

Александр Амфитеатров

М. А. Бакунин

Александр Валентинович Амфитеатров

М. А. Бакунин

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2784025

Аннотация

«Михаил Александрович Бакунин – ровесник Михаила Юрьевича Лермонтова. Одна и та же эпоха выработала для мира наиболее европейского из русских поэтов и наиболее европейского из русских политических деятелей. Между ними много личной разницы и еще более типического сходства. Если хотите, Бакунин – живое и замечательно полное воплощение той положительной половины Лермонтовского гения, которым определяется его творческое, разрушением создающее, революционное значение...»

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

10

Александр Валентинович Амфитеатров М. А. Бакунин

Михаил Александрович Бакунин – ровесник Михаила Юрьевича Лермонтова. Одна и та же эпоха выработала для мира наиболее европейского из русских поэтов и наиболее европейского из русских политических деятелей. Между ними много личной разницы и еще более типического сходства. Если хотите, Бакунин – живое и замечательно полное воплощение той положительной половины Лермонтовского гения, которым определяется его творческое, разрушающее, революционное значение. В Бакуине не было ничего Байронического – тем более на тон и лад русско-гвардейского разочарования тридцатых годов. У него не найдется ни одной черты, общей с тем Лермонтовым, который отразился в Печорине и «Демоне», но зато он всю жизнь свою прожил тем Лермонтовым, который создал пламя и вихрь «Мцыри». Если позволите так выразиться, он – Лермонтов без эгоистического неудачничества и без субъективных тормозов; Лермонтов, обращенный лицом вперед, к революционному будущему, без грустных оглядок на прошлое, без «насмешек горьких обманутого сына над промотавшимся отцом»; Лермонтов, взятый вне современной действитель-

ности и весь устремленный в грядущие поколения, которые расцветают для него яркими красными розами бессмертной свободы.

Он знал одной лишь думы власть,
Одну, но пламенную страсть...

По всей вероятности, Лермонтов, если бы дожил до лет политической зрелости, оказался бы силою революционной и, быть может, гораздо более мощною и эффективною, – даже, главное, эффективною, – чем сам Бакунин. В Михаиле Александровиче, по беспредельной широте души его и по неизмеримому добродушию, всегда имелось преобширное пространство для шагов от великого к смешному, чего в сумрачной, презрительной, скрытной и себялюбивой натуре Лермонтова совсем не было. Лермонтов был человек с громадно развитым инстинктом самосохранения против комических и неловких положений: качество – для политического деятеля необычайно важное, из первоначальных; в этом отношении Лермонтову помогла печоринская половина его характера. Наоборот, Бакунин родился на свет с полнейшею атрофией способности остерегаться и различать возможности своих *faux pas*¹. В течение сорока лет своей революционной практики он только и делал житейски, что спотыкался, падал и вставал, чтобы опять упасть на какой-нибудь трагикомиче-

¹ Спотыканий, неверных шагов (*фр.*)

ски непредвиденной колдобине, и снова подняться. И все это с поразительной бодростью никогда не унывающего самознания, с веселым хохотом над собственной неудачей и с неукротимой энергией верить и действовать на поле проигранного сражения – во имя и для лучших времен. Очутись Лермонтов в положении Бакунина, хотя бы во время несчастной морской экспедиции Домонтовича и Лапинского на помощь восставшим полякам 1863 г., он не выдержал бы такого острого удара по самолюбию и сделался бы или преступником, убийцей – мстителем за неудачу, или самоубийцей с угрюмого, одинокого отчаяния. Бакунин переварил свинец и этой нравственной тяжести. Он только погрызся малую толику с Огаревым и Герценом, а в особенности с Герценом-младшим, Александром Александровичем. Письма друзей к Бакунину в это время, да и вообще при всех его бесчисленных «провалах», замечательны то тоном: это послания не равных к равному, но строгих, умных, развитых родителей к талантливому, но слишком живому и легкомысленному ребенку, который, получив самостоятельность, пользуется ею лишь затем, чтобы делать вреднейшие шалости и ломать дорогие игрушки. Бакунин был во многом виноват, но только бакунинское добродушие могло снести тот тон свысока, каким Герцен и Огарев отчитывали его за вины. С Лермонтовым один намек на подобный тон повел бы к дуэли. «Большая Лиза», как звали Бакунина Герцен и Мартынов, только слушала и «утиралась». Именно это выражение

– «утерся» – употребил Огарев в письме своем о ссоре Бакунина с Катковым. Мы будем ниже говорить об этой истории. Вообще пассивность пред оскорблением личности, часто даже прямое непонимание так называемых унижительных положений, полное отсутствие индивидуального самолюбия по буржуазному кодексу – самые заметные черты бакунинского характера, с первого раза странно удивляющая, даже поражающая и, пожалуй, шокирующая непривычного изучателя. Я не знаю человека, который более Бакунина проводил бы в жизнь ту скептическую и насмешливую теорию о «вопросах чести», что так неотразимо, убедительно и убийственно для этой «условной лжи» выработала неумолимая логика Шопенгауэра. Недаром под конец жизни Бакунин восхищался Шопенгауэром и держал сочинения его настольного книгою. Три четверти переписки своей Бакунин вел по женским адресам и псевдонимам (Лиза, Анна Калмыкова, синьора Антония и т. д.) и, в заключение житейской карьеры, подписался «Матреною» под обязательством, выданным Нечаеву подчиниться его диктатуре в случае, если бы даже Нечаев приказал ему делать фальшивые бумажки. «Конечно, – замечает биограф Бакунина, М. П. Драгоманов, – обязательство было написано только формы ради, в пример послушания для молодых революционеров, и Михаил Александрович никогда не стал бы делать фальшивые бумажки». Вот тут опять огромная разница с Лермонтовым. Этот, напротив, если бы насущное дело того потребовало, очень спокойно фабрико-

вал бы фальшивые бумажки, как его Арбенин вел фальшивую игру. Но никогда не дал бы Лермонтов обязательства делать фальшивые бумажки по чьему-либо приказанию, никогда не согнул бы свою волю в дисциплину другого, никогда не унизил бы себя до состояния «Матрены» или «Большой Лизы». Лермонтов – анархист по аристократическому бунту выдающейся личности против общества, которого она выше, и горда сознанием, что выше. Бакунин – анархист по демократическому сочувствию, анархист ради общества, совершенно пренебрегающий своею природного возвышенностью над его уровнем, в идейном фанатизме справедливости и равенства готовый обрубить самому себе ноги на прокрустовом ложе демократии, с которого они, по огромному его росту (и телесному, и духовному), непокорно торчали. Лермонтов родился, чтобы стать властителем дум и царем толпы, но при жизни ему никогда не удалось занять место и сыграть роль, соответствующую его природному назначению. Бакунин имел в своем кругу капризные диктаторские замашки и даже бывал несколько раз настоящим политическим диктатором, – в Праге, в Дрездене, в женевской, как тогда выражались, «интернационалке». Но в действительности, в натуре его совершенно не было дара властвовать, повелевать; он был только «излюбленный человек» толпы, ее трибун и зеркало. Он принимал каждого человека вровень с собою: качество, при котором нельзя быть «повелителем». У него была в высшей степени развита способность апосто-

ла Павла – быть эллином с эллином, обрезанным с обрезанным, свободным со свободным и ропщущим, готовым освободиться рабом с угнетенными, ожидающими освобождения рабами. Если он заставлял повиноваться себе, то отнюдь не царственными *sic volo, sic jubeo*²

² Я так хочу, так велю (*лат.*)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.